

НА ЭКСКУРСИИ У АЛЕКСЕЯ ВАРГАНОВА

Владимир Солоухин

В журнале «Новый мир» сорок лет назад увидела свет лирическая повесть В.Солоухина (1924–1997) под названием «Владимирские проселки» — первое прозаическое произведение ныне известного по всей России поэта и писателя, автора многих книг, в том числе: «Капля росы», «Письма из Русского музея», «Черные доски», «Время собирать камни» и других. «Владимирскими проселками» Владимир Алексеевич привлек внимание к красоте родной земли (родился он в селе Алепине Собинского района), людей, живущих на ней, а также к памятникам старины — культурному и духовному наследию предшествующих поколений. Значительное место в повести уделено Суздалию как чуду из чудес земли Владимирской и одному из хранителей местной старины, директору Суздальского краеведческого музея А.Д.Варганову. Талантливое произведение Владимира Солоухина способствовало увеличению потока путешественников в древний город. О деятельности А.Д.Варганова на благо Суздаля писали очень много. Писатель В.Солоухин впервые во «Владимирских проселках» показал его как необыкновенно талантливого рассказчика.

Еще в Москве много слышали мы об этом человеке, посвятившем все свои силы, знания, в конечном счете жизнь городу Суздалию. Московские специалисты, архитекторы, историки, художники — большие знатоки старины вплоть до самых видных архитекторов, историков и художников — знают Варганова как тонкого знатока. Московский ученый никогда не скажет: «Нужно поехать в Суздаль!», но скажет: «Нужно съездить к Варганову».

«Золотая наводка домонгольского периода? Так это же у Варганова, в соборе Рождества Богородицы».

«Жена Петра Первого — Авдотья Лопухина? Так она же сидела у Варганова в Покровском монастыре».

В Ленинской библиотеке, в глухих дебрях систематического каталога попадается

А.Д.Варганов
Акварель А.П.Некрасова. 1969

имя Алексея Варганова как автора книг о суздальских архитектурных памятниках.

...За каменной высокой стеной находятся бывшие архиерейские палаты. Пройдешь под сводчатую арку и попадешь как бы в прозрачный улей: солнечно, душно от жары и от медового запаха, пчел видимо-невидимо. Виной всему белые душистые цветочки, что заполонили двор. Особенно много их вокруг монашьяго собора.

На городском валу расположилась экскурсия. Девушки и юноши, большей частью в лыжных штанах и майках, сидят на траве на самом краю вала. За ними местность резко опускается к круглой петле реки Каменки. Вал, перейдя в естественный холм, убегает направо и вперед, все более и более загибаясь в подкову, так что весь Суздаль виден справа впереди, хоть и силуэтно, но очень хорошо. В низине, прямо против экскурсии, небольшая горка, словно кто положил шапку. Белая церковь и темное дерево приютились на ней.

Среди живописно рассеявшихся юношей и девушек стоит небольшого роста человек, в сером поношенном пиджаке, с копной густых кучерявившихся темных волос. Щупленький, с худощавым бритым лицом, он показался моложе своих пятидесяти лет, несмотря на большую усталость в глазах. Или, может быть, потому показался моложе, что мы думали найти убеленного сединами, опирающегося на палку патриарха науки, которого, может быть, уж и поддерживают под руки младшие сотрудники музея.

До нас дошла какая-то беседа. Это мы заключили из того, что черноглазая высокая девушка на самое ухо прокричала Варганову:

— Вам бы писать обо всем надо, очень много знает!

— Пробую и писать, да плохо выходит. Ругают меня в газете. Я им дело, а они мне говорят — не так. Ты, говорят, пиши образно, например: «Рассеялся туман, и блеснули купола собора». О районе тоже просили книгу написать. С историей, конечно, у меня все в порядке, а вот за сегодняшним днем не успеваю. Принесу показывать — они руками разводят. «Милый Алексей Дмитриевич, да уж коровы в Суздальском районе давным-давно в два раза больше доят». Я переделаю, ан коровы опять меня опередили. А вопросы мне

лучше на бумаге пишите. Чего кричать-то! — И он негромко, не как все глухие люди, начал рассказывать:

— Представьте себе, что Суздаль древнее иных русских городов, в том числе и Владимира, не говоря про Москву. Когда он возник — в точности неизвестно. Также неизвестно, почему называется Суздаlem. Славянофильское предположение, что в основе лежит слово судить, осуждать, рассуждать, а отсюда — суждение и суждаль, конечно, красивая мечта.

Однако если мы не можем прояснить этот вопрос, совершенно ясно другое и более важное, почему именно здесь возник, а потом развился до столицы обширнейшего княжества город Суздаль.

Если у вас есть воображение, а оно у вас должно быть, вы можете подняться со мной на некую высоту и бросить оттуда взгляд на земли Центральной России. Среди песчаных малопригодных почв, вскормивших к тому же дремучие леса, лежит небольшой черноземный клин. Происхождение его загадочно. Так вот Суздаль — центр, как бы столица этого окруженного лесами куска полевой, хлебобородной земли.

С другой стороны, поднявшись еще выше, мы увидим, что Суздаль вовсе не в стороне от больших торговых путей, а как раз — на бойком торгу. Это теперь он остался в стороне, потому что пути изменились, а раньше было так: один путь из Новгорода к Черному морю, другой путь — из Новгорода на Каспий. Суздаль и возник на этом последнем.

Там, где мы видим теперь красивые желтые кувшинки, текла река Каменка, достаточно глубокая для того, чтобы в нее могли заходить купеческие струги. В четырех верстах отсюда Каменка впадает в Нерль. Нерль выносит свои воды в Клязьму. Клязьма — в Оку. Ока — в Волгу. И вот уж брезжит в голубой дымке сказочный Восток — благовония, ковры, пряности, прочая роскошь. Туда везем хлеб, мальчиков и девочек для гаремов.

Где теперь Волго-Дон, был волок до Днепра, а там уж брезжут в голубой дымке иные заморские края — Византия, Венеция, арабы: вот почему при раскопках мы находим в суздальском черноземе персидские, индийские, арабские деньги.

Суздаль возник в языческие времена. Прямо перед собой мы видим горку, ту, на которой теперь стоит церковь. Это не простая горка, в языческие времена ее

называли красной. Она оттаивала раньше других мест, поэтому древние суздальчане собирались там на припеке играть ярилыны любовные игры. На другой горе, направо, где теперь вы отчетливо видите кирпичное здание школы, на этом самом месте игрались игры в честь другого божества. У иных народов его зовут Вакх, Дионисий, Бахус, у суздальчан он носил более простое имя — Облупа. Игры в честь Облупы состояли в пении и веселии.

Христианство, идущее из Киева, не сразу и не мирно привилось в Суздале. Известен бунт волхвов. В связи с этим бунтом находим первое упоминание о Суздале в древних летописях. Это было в 1024 году.

Владимир Мономах пришел усмирять бунтовщиков и, кстати, построил здесь собор Рождества Богородицы (В.Солоухин, к сожалению, вложил в уста А.Д.Варганова искаженные исторические факты: восстание волхвов усмирять не Владимир Мономах, а князь Ярослав Мудрый; князь Владимир Мономах построил в Суздале собор в девяностых годах XI века, когда со времени восстания прошло более 70 лет, и посвятил его празднику Успению Богородицы). Но строили его южные киевские мастера, они не учли морозов и сырости северного климата — заложили мелкий фундамент, и собор упал.

Однако был восстановлен. Мы в него сегодня ходим. Недавно я докопался там до мостовой Владимира Мономаха. Она теперь лежит на глубине двух метров девяносто шести сантиметров.

Юрий Владимирович Долгорукий избрал Суздаль столицей, но осел в Кидекше, в четырех верстах отсюда, где Каменка впадает в Нерль. Вспомним, что Андрей Боголюбский, считая столицей Владимир, сидел тоже в своем Боголюбове, на впадении Нерли в Клязьму. Так было безопасно.

Когда Суздаль был цветущим могучим городом, на западе, в дремучих лесах, дымила десятком труб деревушка Москва.

Одному из сыновей князя Александра Невского, а именно младшему Даниилу, после смерти отца дали в удел заброшенную, затерянную Москву — незначительный пригород Владимира и Суздаля. Даниил уехал туда, и с этих времен начинается усиление Москвы. Оно продолжалось при детях Даниила и при детях его детей, до тех пор, пока все не переверну-

лось наоборот, то есть Москва стала столицей, а Владимир и Суздаль его пригородами.

Князя ваши, — это Варганов обращался к экскурсантам-москвичам, — ходили на нас войной. Дмитрий Донской, например, воевал Суздаль. Забегает в хоромы, а там сидит княжеская дочь Авдотьюшка. И вышло так, что Дмитрий победил Суздаль, а Авдотьюшка Дмитрия. Венчались они во Владимире. Значит, у вас с нами были родственные связи. Поэтому Суздаль довольно легко присоединился к Москве. Проводниками, опорой московской политики сделались монастыри.

Незаметно дошли до Покровского монастыря. Первым делом Варганов повел всех в склеп. Мы спускались все ниже и ниже по кирпичным ступеням, а Варганов говорил:

— Иван Грозный любил здесь ходить. Покровский монастырь был у него в большом фаворе. На Казань пошел, здесь молебен служил. Даже обет давал, что, если возьмет Казань, то одарит монастырь царскими дарами...

Между тем каменные гробницы окружили нас.

— Екатерина Шуйская, дочка Малюты Скуратова, — небрежно бросал Варганов, показывая на камень. — Как Скопин, разбив поляков, вошел в Москву, Шуйские от зависти решили его отравить. Вот эта мадам ему яд на пиру подавала.

Царица Александра, — сообщил Алексей Дмитриевич, останавливаясь у следующего камня. — Сына своего Иван Грозный убил, а после убиенного вдова осталась. Это — она. А то вон царица Анна, пятая жена самого Ивана Грозного. Ядом ее бедную опоили. Здесь лежала дочка Бориса Годунова — Ксения. Неудачливо сложилась у нее жизнь. Сначала вроде улыбнулась, а потом все и пропало. Ее ведь за датского королевича просватали, а Лжедмитрий захватил и принудил к сожительству. Тут Марина Мнишек вмешалась, приказала сослать.

По мере того как рассказывал Варганов, прямоугольные камни, проглядывающие из полумрака монастырского склепа, мрачные сами по себе, приобретали еще большую мрачность. Эту опоили ядом, другая сама опоила ядом, у третьей убили мужа, четвертую сослали...

— Здесь же, — остановился Алексей Дмитриевич у крайнего к входу камня, —

пожалуй, самая интересная могила. Хотите, расскажу...

Соборный храм в этом монастыре основал отец Ивана Грозного — царь Василий. С ним была и царица — молодая красавица Соломония Сабурова. Она, конечно, не могла знать наперед, что через десять лет муж сошлет ее в этот монастырь. Сослал же он ее за бездетность. Царю наследник нужен, а Соломония не рожала и не рожала.

Не хотелось ей, бедной, постригаться. Билась, говорят, ножницы из рук вырвала, плакала...

Василий женился на второй, на литовке Елене Глинской, но, по свидетельству одного исследователя, «принес ей на брачное ложе воспаляющее томление и грустную неудачу претворить в дело пыл желаний». Она все больше и больше в Александровой слободе пропадала, там и зачала будто бы от любовника никого иного, как будущего Ивана Грозного. То есть сплетни ходили, что от любовника, но, конечно, он считался законным сыном Василия.

Однако вернемся к Соломонии. Постригли ее за бездетность в монахини, и вдруг вскорости она забеременела и даже ребеночка родила. Этот ребеночек с рождения был обречен на смерть. Его бы, конечно, убили, дабы, когда вырастет, не претендовал на престол, не заводил в царстве смуту. Как-никак родной брат Ивану Грозному!

Но прошел слух, что он помер и похоронен в этом склепе. Похоронен и похоронен, как говорят, — концы в воду.

Недавно пришла ко мне мысль, дай-ка раскопаю, погляжу, что там, в могиле. Раскопал (в 1934 году), вижу гробик крохотный, а в гробике... кукла, обыкновенная кукла, в тряпки одетая, словно сейчас положили. Я ее послал в Москву, реставратору Видоновой, та прислала мне шелковую мальчиговую рубашку, остальные тряпки не стоили внимания.

Значит, захоронение было ложное. Его устроили, чтобы спасти жизнь настоящему младенцу. Значит, настоящий-то остался жив.

— И что же, какая его судьба?

Варганов помолчал, может быть, для большего впечатления.

— Разбойника Кудеяра слышали? Он. У меня нет в руках точных данных, но окольные исторические наблюдения и

опыт, и интуиция подсказывают мне, что он и есть разбойник Кудеяр.

— Как, разбойник Кудеяр, о котором сложено столько песен и легенд?!

В самом деле, может быть, недаром такое внимание привлекала к себе личность Кудеяра. Даже историк Костомаров написал о нем книжку. Еще и сегодня в Воронежской области вам покажут остатки Кудеярова городища, укрепленного становища разбойников.

А может, и правда — одному брату царство русское, а другому — вольная воля по всей русской земле. Лежи кукла в земле, лежи, а настоящий сын, вон он, на горячей лошади, в окружении верных друзей, в окружении вольного люда рыщет по темным лесам под именем Кудеяра. Не завидует доле царя, которому мерещится в каждом углу измена да крамола. А и помирить — так на вольном воздухе, а не в душном терему; под небесными звездами, а не под вонючей лампадой!

— Итак, что же мы видим, — попробовали подытожить мы. — Василий свою жену сослал в Покровский монастырь, сын его свою жену сослал сюда же, вдова после внука тоже попала сюда. Дочь Бориса Годунова — здесь...

— Не все еще. Первая жена Петра Первого — Авдотья Лопухина, мать царевича Алексея, — здесь сидела. Она, Авдотья-то, вела в монастыре мирскую жизнь. Посещали ее мирские люди. В те времена в Суздаль набирать рекрутов приехал майор Степан Глебов. Этот особенно понравился Авдотье, за что, между прочим, и был посажен на кол. Саму Авдотью уехали в Шлиссельбургскую крепость. Подозревали ее в измене Петру на пользу царевичу Алексею. Вот какой это монастырь. Теперь восстанавливаем помаленьку. Когда я приехал, он был еще цел. Потом передали его в ведение горкомхозу — и вот — руины.

Здесь же в Покровском монастыре Варганов показал нам некоторые примеры реставрационных работ. Реставраторы как раз трудились над трапезной монастыря. Задача Варганова в реставрации Суздаля сводилась к тому, чтобы сквозь слепую кирпичную кладку позднейшего времени увидеть ранние формы.

— Иной раз по одному кирпичному клинышку приходится восстанавливать все окно.

— Разве это возможно?

— Сначала и я думал, нельзя. Но точно так же зоолог по одной-двум костям, найденным в земле, восстанавливает целый скелет летающего ящера. Интересно искали мы лестницу в архиерейских палатах.

— Как же?

— Стали считать слои побелок на стене. Насчитали их одиннадцать. По всей стене одиннадцать, а в иных местах только две. Значит, там, где две, что-то раньше было, что мешало белить стену. Когда прочертили границу между одиннадцатю побелками и двумя — получились очертания лестницы. Так вот шагжок за шагком восстанавливаем все. Но приходится сталкиваться со смешными вещами. Ведь могут же быть в нашей работе всякие неожиданности. Мало того, работа наша целиком состоит из них. Думаешь, одно окно найдешь — а там два. Или окно окажется в два раза больше предполагаемого.

— Ну и что же?

— А то, что даны нам смета и план реставрационных работ, из которых выходить не могли. По смете разрешается восстановить одно окно, а если их оказалось два, как быть? По смете разрешается вынуть пятьсот кирпичей, а если их окажется тысяча? Да что кирпичи, церковь на Красной горке видели? Даю заявку на побелку четырехсот квадратных метров. Утверждают в области только двести. Так и пришлось побелить половину церкви.

Мы просили показать что-нибудь интересное.

— Да вот, — Варганов вскинул голову и показал на три окна, расположенные подряд в кирпичной стене монастырского здания. — Разве не интересно?

— Окна... конечно... это очень забавно...

— Слепые вы люди, разве не видите, что каждое окно по-разному отделано.

Тут мы тоже увидели, что каменная резьба вокруг каждого окна разная и что это в какой-то степени нарушает архитектурный ансамбль, как если бы хозяин деревенского дома приколотил к окнам разные наличники.

— Значит, поняли! А почему так получилось?

— Наверно, был неграмотный архитектор.

Варганов усмехнулся.

— Виноват не архитектор, а характер русского человека. У каждого окна в

люльках висело по мастеру. Мастера старались один перед другим, каждый хотел отличаться, сделать лучше, чем сосед, по своему, вот и натворили...

— Вы эти камни читаете, как книгу.

— Да, — без ложной скромности согласился Варганов. — Здесь целые каменные фолианты. А вообще Суздаль, как он есть, — это фольклор, только выраженный архитектурными формами. Весь Суздаль — это одна каменная песня.

Между прочим, такое убеждение помогло мне спасти Суздаль от разрушения. Решили было ломать все церкви, а оставить несколько самых древних построек. Что тут делать! Если церковь построена в XVIII веке, попробуй доказать ее историческую ценность. Сама по себе она, может, действительно ничего не стоит, но сломай — и нарушится ансамбль города, появится прореха. Только тем и убедил, что Суздаль, мол, надо брать не по отдельным церквам, а в целом. Он весь есть одна каменная песня, а из песни слова не выкинешь.

Варганов задумался, как бы вспомнив что-то светлое и хорошее. Усмехнулся:

— Была у меня на практике девушка из архитектурного института, Лиза Каравеева. Долго была. Теперь она мне как дочь, дороже дочери, потому что к тому же лучшая моя ученица. Это положение, что Суздаль единый ансамбль, одна песня, она взяла темой для диссертации. Научно решила показать.

— Показала?

— Превзошла учителя. Получилась не столько диссертация, сколько гимн во славу Суздаля. Я ей пишу: «Милая Лиза, ты воображаешь, что суздальские мужики уходили на Горку и, скребя в затылке, прикидывали: а где бы еще для красоты поставить церковь. А помнишь, милая Лиза, я показывал тебе изумительное древнее шитье. Мастерница как бы взяла в горсть разноцветных самоцветов да драгоценных камней и небрежно рассыпала их по черному бархату. Вот так и Суздаль!»

— Алексей Дмитриевич, здесь где-то в Суздале Пожарский похоронен. Нельзя ли сходить на его могилу. Все же герой, патриот, так сказать, спаситель Руси!

— Гм, да, конечно. Надо бы... Боюсь, трудновато будет, он ведь в тюрьме.

— Кто в тюрьме, что вы, Алексей Дмитриевич!

Ни следа бывших утрат
Реставрация завершена

Рождественский собор.
Фрагмент росписи барабана
1635 г.

— Не сам Пожарский, конечно, могила его. Он в Спасо-Евфимиевом монастыре похоронен, а там теперь женская тюрьма.

Однако попасть в тюрьму (как это вообще в жизни) оказалось проще простого. Варганов куда-то позвонил, и мы прошли в ворота, за высокие розовые стены Спасо-Евфимиева монастыря. Первое, что бросилось нам в глаза, — цветы. Много цветов росло на хорошо ухоженных газонах. Кое-где мы видели женщин, подстригающих их. Это и были арестантки. На окнах домов всюду виднелись отнюдь не решетки, а занавесочки и тоже — цветы. Из одного окна доносились голоса трубы и аккордеона.

Был воскресный день, и арестантки разбрелись по обширной территории монастыря, как будто здесь не тюрьма, а дом отдыха. В будние дни они где-то работают.

Могила Пожарского была тоже очень ухожена. Трава вокруг пострижена и поливается. Мраморный мавзолей, что поднимался на могиле Пожарского, как я уже упоминал в начале книги, — был разобран и увезен в Москву на облицовку станции метрополитена.

Вообще же история могилы Пожарского такова. Сначала не знали, где он похоронен. Граф Уваров раскопал и нашел усыпальницу, в которой в три ряда стояли гробы. Это была фамильная усыпальница Пожарских и Хованских. В третьем ряду нашли гробницу со следами особого внимания. Дело дошло до царя. Направили комиссию. В 1852 году, после долгих колебаний, гробница была вскрыта. Там нашли останки престарелого человека в шелковом саване, с остатками боярских украшений (золотое шитье по кафтану и поясу), каких никто не мог иметь из рода Пожарских, кроме Дмитрия.

Для туристов перед входом в монастырь разбит скверик и поставлен в нем бюст Дмитрия Пожарского.

— А теперь я вам покажу самое страшное и мрачное, — посулил Варганов и повел нас в глубину монастырского двора. — Вы слышали когда-нибудь про суздальский политический изолятор? Его учредила Екатерина Вторая (царица в 1766 году учредила секретное арестантское отделение, куда помещали людей в основном по религиозным мотивам. Просуществовало до 1905 года), а ликвидировали совсем недавно (летом 1939 года была ликвидирова-

на Суздальская тюрьма особого назначения НКВД).

Показалось, что кончился монастырский двор и идти дальше некуда — стена. Полное впечатление, что за стеной поле, монастырь ведь стоит на краю города. Но мы прошли в неширокие ворота и оказались в пристройке к монастырю — в своеобразном кармане. У этого кармана оказался еще один карман, с самым невинным входом, как будто войдешь сейчас в квартиру с примусами, детишками, белишком на веревке. На самом деле попадаешь в узкий коридор. Направо и налево двери, двери и двери. Это и были камеры. Каждая камера представляла из себя квадратную или чуть продолговатую комнату, с деревянным полом и небольшим окошком. В него видна часть какого-то двора. Но что за двор, где? Говорят, что арестованные за всю жизнь так и не могли узнать, в каком городе они сидят.

Недалеко до конца коридора мы заметили следы разрушенной стены и спросили объяснения.

— Да, была стена, а за ней еще несколько камер. Это уж особые из всех особых. Назывались секретным отделением. Даже тюремщики передней части коридора не знали, кто сидит в задних камерах. И вообще не знали имен. Сидящие значились под номерами. Здесь, просидев долгие годы, сошел с ума декабрист Шаховской (он просидел здесь меньше трех месяцев). Одну из этих камер подготовили для Льва Толстого, но царь вовремя понял, что Лев Толстой в тюремную камеру не поместился бы (неясно, что автор имел в виду).

Мы с облегчением покинули это мрачное место, казалось бы, невинную маленькую пристройку Спасо-Евфимиева монастыря, в которой без вести на всю жизнь исчезали люди.

На другой день, утром, мы пришли прощаться к Алексею Дмитриевичу Варганову. Он пожалел, что мы рано уходим, не покопались еще в богатейшей музейной библиотеке, не успели посмотреть его фонды, где есть старинное шитье, редчайшие иконы, не прочитал он нам и своей последней статьи об Авдотье Лопухиной.

Нам тоже было жалко расставаться с этим человеком. Каждая минута разговора с ним приносила новые интересные знания.